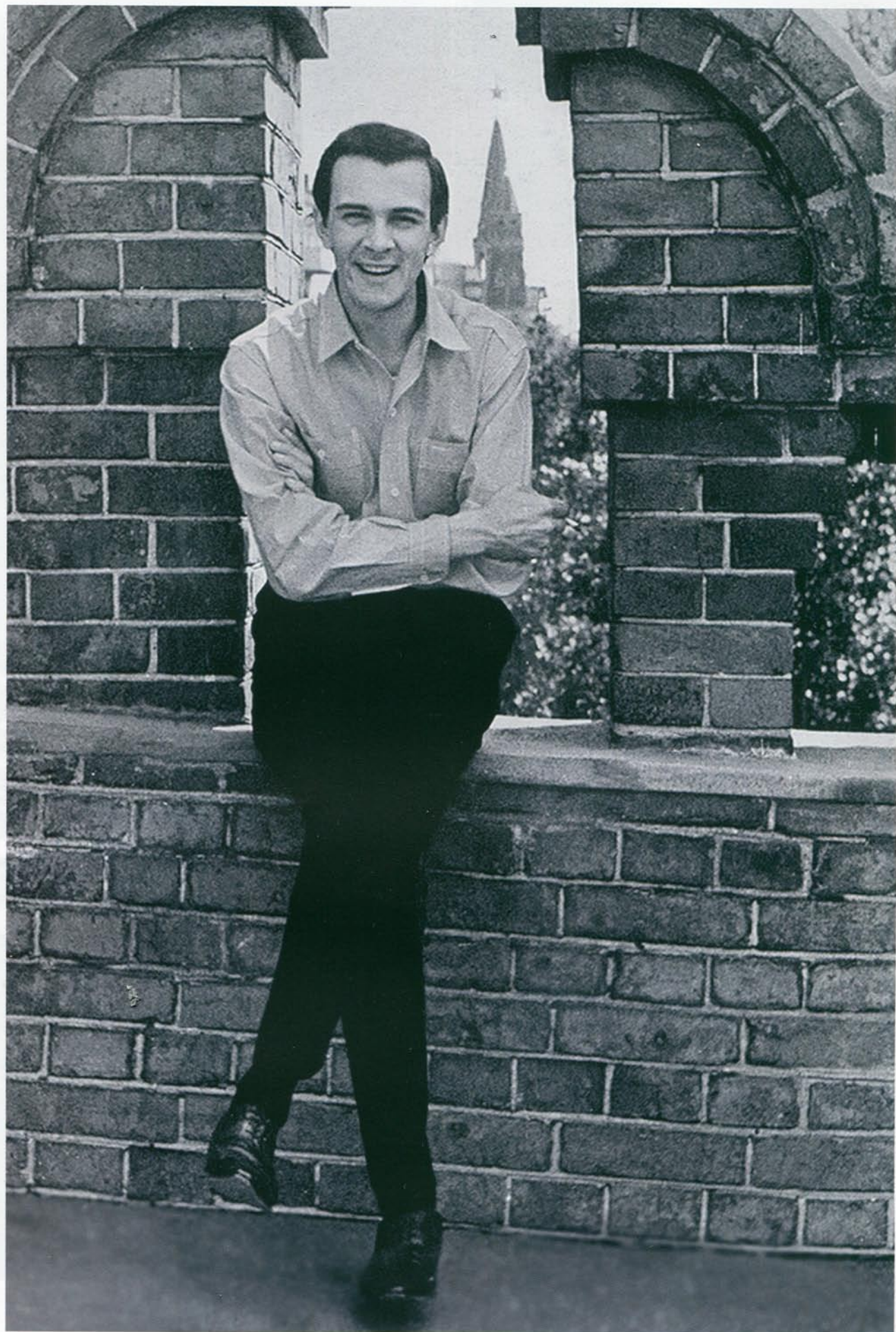

Луч солнца золотого

Нынешний 2012 год, без преувеличения, можно назвать юбилейным годом Муслима Магомаева: 70 лет со дня рождения; 50 лет со дня триумфа на VIII Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Хельсинки и знаменательного выступления на сцене Кремлёвского Дворца съездов; 30 лет со дня выхода на большой экран картины режиссера Эльдара Кулиева «Низами», в котором он сыграл главную роль; и, наконец, 10 лет со дня награждения Народного артиста Советского Союза, обладателя множества титулов и регалий – Муслима Магометовича Магомаева Орденом «Истиггал» («Независимость»). Есть в череде этих юбилейных дат еще одна, заслуживающая пристального внимания – 40 лет назад здесь, в Баку однажды и навсегда встретились двое – Тамара и Муслим...

...У меня часто бывает ощущение, что я не одна, он рядом.

Он и сейчас рядом, здесь.

Это возникло тогда... вначале, когда мы только пришли на Аллею Почетного Захоронения. Было очень тяжело... И вдруг выглянуло солнце. Оно играло лучами среди сосен: то там выглянет, то там. Я, помню, стояла рядом с Мехрибан ханум Алиевой и сказала: «Посмотрите, это он, вон там, это точно он играет...» Она мудрая женщина.

Она сказала просто: «Да, конечно».

~ ТАМАРА СИНЯВСКАЯ ~

Н

Нынешний 2012 год, без преувеличения, можно назвать юбилейным годом Муслима Магомаева: 70 лет со дня рождения; 50 лет со дня триумфа на VIII Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Хельсинки и знаменательного выступления на сцене Кремлёвского Дворца съездов; 30 лет со дня выхода на большой экран картины режиссера Эльдара Кулиева «Низами», в котором он сыграл главную роль; и, наконец, 10 лет со дня награждения Народного артиста Советского Союза, обладателя множества титулов и регалий – Муслима Магометовича Магомаева Орденом «Истиггал» («Независимость»). Есть в череде этих юбилейных дат еще одна, заслуживающая пристального внимания – 40 лет назад здесь, в Баку однажды и навсегда встретились двое – Тамара и Муслим... После ухода Муслима Магометовича долгих четыре года Тамара Синявская отказывалась от любого общения с прессой, только раз ненадолго появившись на одном из российских телеканалов. Недавно, в один из своих визитов в Баку она все-таки согласилась на интервью. Интервью, в известном смысле, не получилось. Назвать же нашу беседу воспоминаниями о Муслиме Магомаеве не хочется: есть в этом слове налет какой-то безысходной грусти. Но ведь это не про него: светлого, общительного, любящего жизнь и умеющего жить. Может быть, поэтому, ни одно событие, посвященное его памяти еще не было отягощено проявлениями скорби или налетом трагизма. Халил Джебран как-то заметил, что воспоминания – это род встречи. Пусть и наш очерк в рубрике «Пьедестал» станет теплой дружеской встречей – еще одной долгожданной встречей с Муслимом Магомаевым...

КОГДА Я ВПЕРВЫЕ СТУПИЛА НА ЭТУ ЗЕМЛЮ В 1972 ГОДУ 2 ОКТЯБРЯ, У МЕНЯ МОМЕНТАЛЬНО ВОЗНИКЛО ОЩУЩЕНИЕ ДОМА. НАВЕРНОЕ, ПОТОМУ, ЧТО БАКУ ОЧЕНЬ ТЕПЛЫЙ ГОРОД, МНЕ ХОРОШО ЗДЕСЬ. У НАС ПОТОМ ПОЯВИЛАСЬ КВАРТИРА С ОКНАМИ НА МОРЕ, СЕЙЧАС ЭТА УЛИЦА ФИКРЕТА АМИРОВА, И ПРЯМО С ВОСЬМИ ЧАСОВ УТРА Я МОГЛА ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ПЕТЬ! В МОСКВЕ, ПОКА НЕ «РАСКАЧАЮСЬ» ЧАСА ДВА, О ПЕНИИ И РЕЧИ БЫТЬ НЕ МОГЛО. А ЗДЕСЬ СРАЗУ - СОЛНЦЕ, МОРЕ И КАКОЙ-ТО НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРОСТОР...

Да. Все «закольцевалось» на октябре... Я тогда еще не знала, что приехала именно к нему... И сейчас снова... к нему... Тут везде его следы... Помню, мне ужасно захотелось по набережной прокатиться в фаэтончике, а он почему-то замялся: «Вы знаете, как-то неудобно. Вы правда хотите прокатиться?» А я уже мысленно в 19 веке, в платье с кринолином. Он, стесняясь, договорился с извозчиком. Едем: я по сторонам смотрю, а он спрятался в кабинке, чтобы его не видно было. Он очень стеснялся даже ходить по городу: на улице люди останавливались, просили автографы: в такси и ресторанах не брали денег.

В тот первый мой приезд, он сразу повел меня показывать старый Баку: мы долго бродили по улочкам старой Крепости, потом пошли в Филармонию... Потом уже, приезжая сюда, мы всегда вместе приходили к дедушке, к Джамалу Муслимовичу – его дяде и Зарифе Азизовне, к Гейдару Алиевичу. Он очень любил его, не просто любил, он безумно его уважал. У них были очень доверительные взаимоотношения, почти родственные. Гейдар Алиевич очень оберегал Муслима. Его потеря была для Муслима огромной болью, с которой он так и не справился. До конца всё надеялся, что сможет совладать с ногами, сердцем и прилететь сюда.

ловлю себя на том, что везде все время считаю ступеньки: думаю «сюда бы он не поднялся» и «сюда бы не смог»... В Филармонии была недавно и опять считала. Ну, вот, ко всем теперь одна хожу: к Гейдару Алиевичу, Зарифе Азизовне, Джамалу Муслимовичу. Когда я сюда прилетела после его ухода – всю дорогу от аэропорта проплакала, – безумно было обидно, что он не видит, каким стал его любимый город.

**МАЛО КТО ИЗ ЖУРНАЛИСТОВ
ОБОШЕЛ ВНИМАНИЕМ ВОПРОС
«КАК МОГУТ УЖИТЬСЯ ПОД
ОДНОЙ КРЫШЕЙ ДВЕ ЗВЕЗДЫ?»**

**МУСЛИМ МАГОМЕТОВИЧ
ПРИЗНАВАЛСЯ В СВОИХ
ИНТЕРВЬЮ, ЧТО НИКОГО, КРОМЕ
ТАМАРЫ, В ЕГО ЖИЗНИ БЫТЬ
НЕ МОГЛО. СВИДЕТЕЛЬСТВО
ТОМУ: ТРИ С ПОЛОВИНОЙ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВМЕСТНОЙ
ЖИЗНИ, И ПОСТУПКИ,
АНАЛОГИ КОТОРЫМ МОЖНО
НАЙТИ СЕГОДНЯ ТОЛЬКО В
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ...**

**ОДНАЖДЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С
ГАСТРОЛЕЙ, ОН РЕШИЛ ЗАЕХАТЬ
В ДРУГОЙ ГОРОД (ЗА ПАРУ-
ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ), ЧТОБЫ
ПОВИДАТЬ ЖЕНУ. И ЯВИЛСЯ ЗА
КУЛИСЫ С ОГРОМНЫМ БУКЕТОМ
В ПОЛТОРЫ СОТНИ РОЗ.
СПЕКТАКЛЬ ДОИГРАЛИ КОЕ-КАК,
ПОТОМУ ЧТО ПУБЛИКА ВИДЕЛА
ТОЛЬКО МАГОМАЕВА, КОТОРЫЙ
РЕШИЛ ПОСЛУШАТЬ ОПЕРУ,
УСТРОИВШИСЬ В ЛОЖЕ...**

Он был романтиком, большим романтиком. Это выражалось во всем: в его музыке, в отношении ко мне, как к женщине... Мы познакомились здесь, а потом, через небольшой промежуток времени я улетела в Италию. Он звонил каждый день, присылал огромные букеты цветов, но при этом, мы еще полгода были на «Вы». Наверное, мы оба не хотели выходить из состояния какого-то романтического театра.

... У нас потом возник целый язык, такой полуптичий-полукошачий..., столько выражений, что некоторые даже не понимали, о чём мы говорим. Я как-то предложила: «Давай выпишу все слова», – а он: «Бумаги не хватит»... Правда, когда ссорились, тогда звучало строго: «Тамара!», «Муслим!» Это значило, что в доме гроза. Я с детства боюсь, когда люди ссорятся, мне кажется: они очень сильно обижают друг друга, а потом не найдут слов, чтобы восстановить отношения. Ну, конечно, если что-то очень нравилось, говорить вообще не было необходимости: взгляд, жест и всё понятно.

«Ощущение дома» начиналось уже с лифта, особенно после поездок. Мы поздравляли друг друга, потом: «Слава Богу, дома!», – и входили. Всё, что нас окружало в нашей квартире, весь антураж – это, конечно, его заслуга. Нам часто нравилось одно и то же: красные шёлковые обои в царской ложе Большого театра, и они немедленно «воплощаются» в гостиной, правда, в бархатной версии. Или белый рояль, не чёрный, как полагается, а именно белый... Эта наполненность, этот колорит, как бы закрывал, отгораживал от того, что

творилось за окнами. Это был наш мир – уютный, красивый, комфортный. Не «гнездышко», как принято говорить, а, скорее, «остров». Доплыть туда трудно было любому: лодкой ли, гондолой или баркасом...

Ему даже в последние годы девочки постоянно носили цветы. После очередного неожиданного звонка в дверь я открывала, забирала букет и извинялась, что Муслим не может к ним выйти. Звонки и письма были постоянно. Это естественно: аплодисменты, цветы, поклонники – это подпитка для артиста, это неотъемлемая часть славы, известности. Муслим относился к этому с большим достоинством, очень сдержанно.

... В московской квартире находиться просто невыносимо, кажется вот-вот он заглянет на кухню и скажет: «Кофейку нельзя ли?» Думаю, повернусь, и если вдруг он стоит там, что же я ему скажу?

◆

“Я ПО НАТУРЕ, ПРОСТИТЕ ЗА СРАВНЕНИЕ, СОЛОВЕЙ: ХОЧУ - ПОЮ, НЕ ХОЧУ - НЕ ПОЮ. НЕ ТЕРПЛЮ “НАДО” И ЛЮБЛЮ СВОБОДУ, - ОБЪЯСНЯЛ ЖУРНАЛИСТАМ МАГОМАЕВ ПРИЧИНУ ОТКАЗА ОТ КАРЬЕРЫ ОПЕРНОГО ПЕВЦА: - И “В ОЧЕРЕДЬ”, КАК В ТЕАТРЕ, ПЕТЬ НЕ МОГУ.

◆

Муслим родился на берегу Каспия, он – часть моря, часть этого воздуха, этой земли, этого города. Он очень любил море: штормовое, спокойное, любое. Его знаменитая песня «Синяя вечность» – это он, это его отношение ко всему...

В Загульбе в «гостевом доме» мы периодически жили на протяжении почти 30 лет. Вечерами выходили на балкончик с видом на море, небо бархатное, все в звездах. Он мог долго смотреть в ночное небо. А однажды вдруг сказал: «Знаешь, как мне хочется туда улететь»...

Он никогда не был одинаковым: был «утренний» Муслим, «вечерний», Муслим в обществе, Муслим дома – всё это вместе и есть Муслим. Оставаясь собой Муслим, менялся интонационно, мелодически.

Абсолютно не похожий ни на кого другого: с необыкновенным чувством собственного достоинства, щедрым сердцем, аристократическими манерами. Он не играл в галантного и не был таким – «позвольте, пройдите, открою вам дверцу». Нет. У него это всё настолько естественно выходило, что люди подтягивались, менялись при нём. С самого первого дня я поняла, что передо мной человек необыкновенный, я себя по-другому стала вести, всё время под него подстраивалась, потому что он был камертоном, а я должна была держать ноту «ля»... Музыканты меня поймут. Муслиму люди могли рассказывать о таких вещах, о которых даже родителям не расскажешь, а ему доверяли. Он со мной даже не обсуждал эти темы. Он был настоящий мужчина, требовательный к людям и к себе. Очень ценил мужскую дружбу, абсолютно не принимал предательства. Умел радоваться за других: радовался как ребёнок, глаза светились.

Ему всё удавалось с первого раза, как говорится, на «пятёрку». Я не раз спрашивала его: «Почему ты не преподаешь?» Он говорил: «Такого терпения как у тебя, я не имею». Он считал, что педагогика – это особая профессия, и он не рождён для этого. Он считал, что хороший музыкант – совсем не значит хороший педагог. В том,

что Муслим великолепный преподаватель, я убедилась, когда к нему обратился за помощью студент, которого отчислили из консерватории. Никто не верил, что за невероятно короткий срок возможно что-то изменить в этой ситуации. Муслим с ним занимался всего один месяц, и студента восстановили! Слово «надо» – одно из главных в моей жизни, но сказать этого о Муслиме я не могла бы. Для него первое слово, (если кто-то напрягает), это – «нет». Но если кому-то удавалось его убедить, тогда он смягчался. Он был очень непредсказуемым человеком. Не прощал хамства, не выносил фамильярности, панибратства. Глупость, то что называется, «воинствующая серость», его раздражала. Не было ни одного человека в мире, которому он мог позволить с собой фамильярничать, я не знаю таких людей. Он, как сейчас принято говорить, очень технически продвинутый был, любил технику с детства, начиная с бабушкиной кровати, к которой подвёл электричество... И с компьютерами, и с видео, он, конечно, сдружился сильно, фильмотека у нас была огромная. А я шнуры видеть не могла, боялась на что-то наступить. И как-то пришли телевизионщики, решили снять его за компьютером. Он тогда уже не очень здоров был. Посадили его так, потом эдак, что-то переставили, переместили. Он безропотно терпел. «Муслим Магометович, а можно убрать пепельницу?» «Нет». «Ну, Вы знаете, нам не разрешают...» «Так. Всё. До свидания!» Так и расстался с телеканалом, бушевал. Они даже не составили себе труда обратить внимание, что человек всю жизнь курит – на всех фото, во всех фильмах с сигаретой... Я очень хотела изжить эту его привычку, но этого делать было нельзя, если бы я попыталась бороться, мы бы расстались.

«Я познакомился с Г.А. Алиевым вскоре после того, как он был избран первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана. В памятный для меня осенний день 1970 года у меня дома раздался звонок: «Вас беспокоят из приемной товарища Алиева. ...Гейдар Алиевич хотел бы видеть вас в своей поездке в составе правительственной делегации». Это строки из книги Муслима Магомаева «Любовь моя - Мелодия». Воспоминаниям о Гейдаре Алиевиче в книге отведено особое место. Прожив в Москве много лет, как «бакинец, женатый на москвичке», Муслим однажды обратится с этой проблемой к Гейдару Алиевичу: «Завтра придет какой-нибудь человек и спросит: ваша жена - Тамара Синявская, но вы-то что здесь делаете? Мне, наверное, придется все-таки сделать московскую прописку». «Естественно, - ответил Алиев - Ты уже давно москвич. У тебя должен быть российский паспорт». Через некоторое время на дачу к Магомаеву приехал человек с... азербайджанским паспортом. «Ты, - сказал ему по телефону Гейдар Алиевич, - российский гражданин, но мы тебя никуда не отпустим. Поэтому - положено не положено - мне не важно. Ты наш гражданин тоже»...

Когда он говорил по телефону, я совершенно точно знала, что он, к примеру, говорит с Баку или бакинцами, – сразу менялась интонация. У него не только слух был роскошный, он владел уникальным даром дар воспроизведения. Уезжая в Италию на стажировку, я взяла с собой его записи и там показала моему маэстро итальянцу. Спрашиваю: «Кто поёт?» Он уверенно: «Веремента итальяно!» То есть, «настоящий итальянец». Я засмеялась: «Но, но, азербайджано...»

Он пел великолепно и на английском, и на французском, на немецком, итальянском и на китайском. На каком хотите! Очень одаренный был человек.

Я как-то спросила Муслима: «Есть какое-то слово такое трудное, которым поприветствовать можно, ну и вообще, щегольнуть при случае?» Он говорит: «Есть. Mǔvəffəqiyətlə.» Я очень гордилась, когда Гейдар Алиевич говорил: «Ну, молодец, такие слова произносишь! Как ты говоришь, у нас азербайджанцы так чётко произнести не могут». Его последняя песня была посвящена Баку. Музыка эта его сопровождала несколько лет непрерывно, как в кино, рядом, фоном... Когда она его совсем измучила, он разыскал у Есенина стихи «Прощай Баку, тебя я больше не увижу» и записал песню... Я говорила: «Зачем ты это пишешь? Зачем?» «Да, так...» Прощался. Для всех это музыка, для меня – беда. Это был его реквием. Многое ему было дано, очень многое. Он всё раздал и сердце своё отдал.

...Я все думаю: он воспитывался в одном месте, я воспитывалась в другом, – нас соединила музыка, сцена, а прежде всего Бог, а атрибуты искусства – это только Его подручные инструменты. Если бы мы не пели, если бы по этой орбите не вращались, мы могли бы никогда не встретиться, но Боженька всё нарисовал, всё предназначтал... Живя в одном с ним пространстве «25» часов в сутки, я дышала и образовывалась. Это было непросто, Муслим – не брошюра, он – книга, которую я до сих пор не дочитала. Он для меня – загадка №1 во Вселенной.

ОН ОТКРЫЛ ВИРТУАЛЬНУЮ «ГОСТИНУЮ», КОГДА РЕШИЛ ПОКИНУТЬ СЦЕНУ НА ПИКЕ СЛАВЫ. ОН УШЕЛ, КОГДА ЕМУ, ТОЛЬКО ЕМУ ОДНОМУ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО УЖЕ НЕ ТАК ЗВУЧИТ ГОЛОС. КОГДА-ТО В 60-Х В СВОЕМ ПЕРВОМ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» ОН ПООБЕЩАЛ УЙТИ, ЕСЛИ ЧТО-ТО НЕ ПОНРАВИТСЯ В ЗВУЧАНИИ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА. «КОРОЛЬ УШЕЛ ПО-КОРОЛЕВСКИ, С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ, В НАЗИДАНИЕ ДРУГИМ», - НАПИСАЛА ПРЕССА. ТЕПЕРЬ ЕГО СЦЕНОЙ БЫЛ ИНТЕРНЕТ, А ЗРИТЕЛЬНЫМ ЗАЛОМ - ПЛАНЕТА. И ЗДЕСЬ, В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ОН УСТАНОВИЛ СВОИ СТРОГИЕ ПРАВИЛА: ЗАПРЕЩАЛИСЬ ТЕМЫ - НАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИКА. НИ ОДНОГО ДУРНОГО СЛОВА В ЧЕЙ-ЛИБО АДРЕС, В ОСОБЕННОСТИ: ПЕВЦОВ, МУЗЫКАНТОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ. ОН ПО ПРИВЫЧКЕ ВСТАВАЛ ОЧЕНЬ РАНО И СРАЗУ ЖЕ НАПРАВЛЯЛСЯ К КОМПЬЮТЕРУ, ГДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАХОДИЛ МЕССЕДЖ, ОТПРАВЛЕННЫЙ ЧУТЬ РАНЬШЕ: «ДОРОГОЙ МУСЛИМ МАГОМЕТОВИЧ, ДОБРОЕ УТРО! МЫ ВСЕГДА РЯДОМ С ВАМИ! МЫ ВАС ЛЮБИМ!» «САЙЧАТА», - ТАК НАЗЫВАЛ СВОИХ ВИРТУАЛЬНЫХ ДРУЗЕЙ, МАГОМАЕВ... 15 ОКТЯБРЯ НА САЙТЕ ВНЕЗАПНО ПРОИЗОШЕЛ НЕПОНЯТНЫЙ СБОЙ СИСТЕМЫ - ИСЧЕЗ ВЕСЬ АРХИВ СООБЩЕНИЙ ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ. РОВНО ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ МУСЛИМА НЕ СТАЛО... ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ НА СТРАНИЧКЕ СДЕЛАНА ВЕЧЕРОМ 17 ОКТЯБРЯ: «СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ДРУЗЬЯ, И ДО ЗАВТРА!»...

• ПОСЛЕСЛОВИЕ •

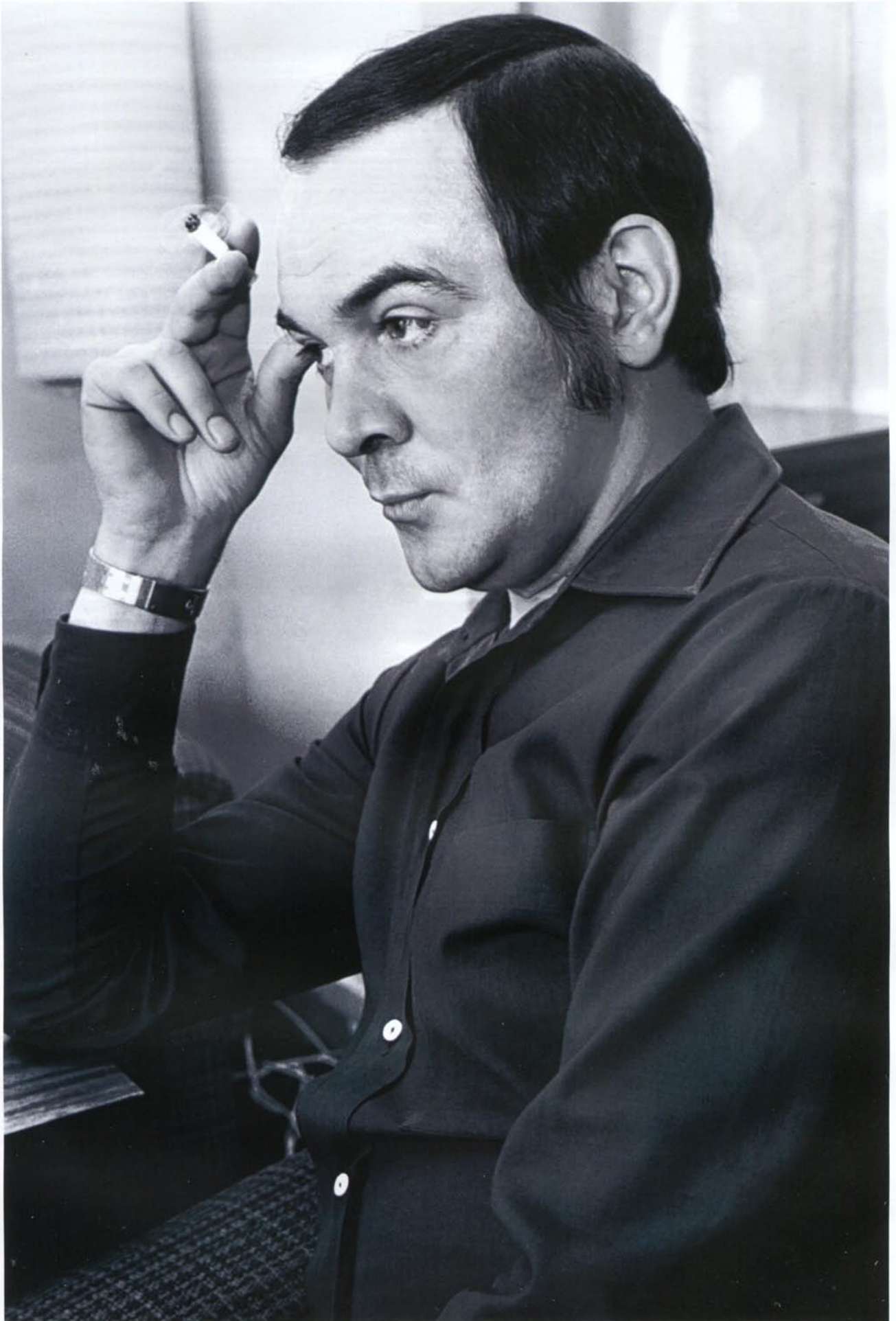
ЕГО ИМЕНЕМ НАЗВАНЫ: УЛИЦА И ПЛАНЕТА, УСТАНОВЛЕННЫ ПАМЯТНИКИ И МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА, ОН ВНЕСЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. НО САМОЕ ГЛАВНОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО АРТИСТА - ЭТО МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ВОКАЛИСТОВ ИМЕНИ МУСЛИМА МАГОМАЕВА, КОТОРЫЙ ПРОШЕЛ УЖЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ В ОКТЯБРЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА В МОСКВЕ, НА СЦЕНЕ КРОКУС СИТИ ХОЛЛ. ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, В КАНУН 65-ЛЕТИЯ У МУСЛИМА МАГОМАЕВА СОБРАЛИСЬ ГОСТИ. ОН СЕЛ ЗА РОЯЛЬ И НАЧАЛ ИГРАТЬ ЛЮБИМУЮ «MY WAY». СПЕЛ СВОИМ ПРОНИКНОВЕННЫМ ГОЛОСОМ ПЕРВЫЙ КУПЛЕТ, ПОТОМ ВСТАЛ И СКАЗАЛ: «Я ХОЧУ ПЕРЕДАТЬ МИКРОФОН СЫНУ СВОЕГО САМОГО БЛИЗКОГО ДРУГА - АРАЗА АГАЛАРОВА, ПЕВЦУ, КОТОРОГО Я ЗНАЮ С САМЫХ РАННИХ ЛЕТ - ЭМИНУ».

– ...и позволил мне допеть эту песню, – продолжает Эмин Агаларов в эфире Радио 106 FM, в специальной передаче, посвященной 70-летию Муслима Магомаева. Это дуэт, который у нас получился. Мы пели вместе и другие песни дома, но, к сожалению, не успели ничего записать.

«СИНЮЮ ВЕЧНОСТЬ» ЭМИН ЗАПИШЕТ УЖЕ ПОСЛЕ УХОДА МУСЛИМА. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОЗВОЛЯТ СОВМЕСТИТЬ ЗВУЧАНИЕ ДВУХ ОРКЕСТРОВ, КОТОРЫЕ ОТДАЛЕНЫ ДРУГ ОТ ДРУГА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ НА 40 ЛЕТ! ТАК ОНИ СПОЮТ ВМЕСТЕ СНОВА: ЭМИН И ЕГО НАСТАВНИК, НА ЭТОТ РАЗ РАЗДЕЛЕННЫЕ МИРАМИ.

– Все детство мне хотелось петь только песни Муслима Магомаева, быть на него похожим, – рассказывает Эмин. – Он позволял мне музицировать вместе с ним. Иногда садился за рояль, говорил: «Ну, спой вот это, спой то...» Что-то пели вместе. Никогда не корректировал, не подсказывал, не критиковал. Мог сказать: «Вот, сейчас у тебя хорошо получилось!» (Это значило, что до этого получалось плохо!) Муслим Магомедович хлопал меня по плечу и говорил: «Ни на что в жизни не отвлекайся. Пой. У тебя это получится». Это было, наверное, самое ценное, что он для меня сделал. Потому что в устах Муслима Магомаева это много значит. Магомаев – это такая недосыгаемая звезда, что можно только стремиться быть хоть чем-то на него похожим. Но нужно осознавать, что быть Магомаевым – невозможно! Его талант недосыгаем ни для кого и для меня включительно, – сказал единственный певец, получивший микрофон из рук самого Маэстро и его благословение. Скромность, обаяние, аристократизм, яркая внешность и бархатный тембр голоса – всеми этими качествами Эмин обладает в полной мере. А чеканить абрис великой славы – это уже прерогатива судьбы.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ ИЗВЕСТНУЮ ЦИТАТУ НИЦШЕ, МОЖНО СКАЗАТЬ: «ЕСЛИ ДОЛГО ВСМАТРИВАТЬСЯ В ВЕЧНОСТЬ, ТО ВЕЧНОСТЬ НАЧИНАЕТ ВСМАТРИВАТЬСЯ В НАС». ЭТО ОНА, ТА САМАЯ СИНЯЯ ВЕЧНОСТЬ, ПО КОТОРОЙ ОГНЕННО-ЗОЛОТЫМ НАЧЕРТАНО: «МАГОМАЕВ - НЕ ПРОСТО ТАЛАНТ, ОН - НАПОМИНАНИЕ ТВОРЦА О БЕСКОНЕЧНОМ БОГАТСТВЕ ЖИЗНИ».

РЕМАРКИ НА ПОЛЯХ ЖИЗНИ

Человек внутренней культуры, как всякий живой человек, может ошибаться, но он, в отличие от человека просто образованного, знает, что ошибся. Более того, знает, как ошибку исправить. И тут же, не стыдясь этого, исправляет.

Я рос не в бедной семье, но меня воспитывали так, что я понимал разницу между «хочу» и «необходимо».

...Мне никогда не давали лишних денег, о карманных деньгах я читал только в книжках.

Характер у меня такой, что командовать мною бессмысленно.

В славе у меня соперников не наблюдалось.

Я вообще ни к кому черной зависти не испытывал.

Доставляя кому-то радость, я и сам получаю от этого удовольствие.

Я снимал в гостинице «Россия» большой люкс из пяти комнат, где принимал порой по полсотни человек ежедневно. Это не купечество было, не мотовство ...а потребность души.

Я до сих пор не складываю деньги в кубышку... — живу на то, что было, есть и, может, когда-нибудь будет...

Привычка не ограничивать себя в тратах осталась... и дорогие подарки по-прежнему делаю...

Учеба у маэстро Дженарро Барра и Энрико Пьяцца дала многое, но творческому человеку не обязательно даже что-то там делать — достаточно просто побывать в Италии... подышать ее воздухом, проникнуться культурой и искусством, из которых эта страна, собственно, и состоит...

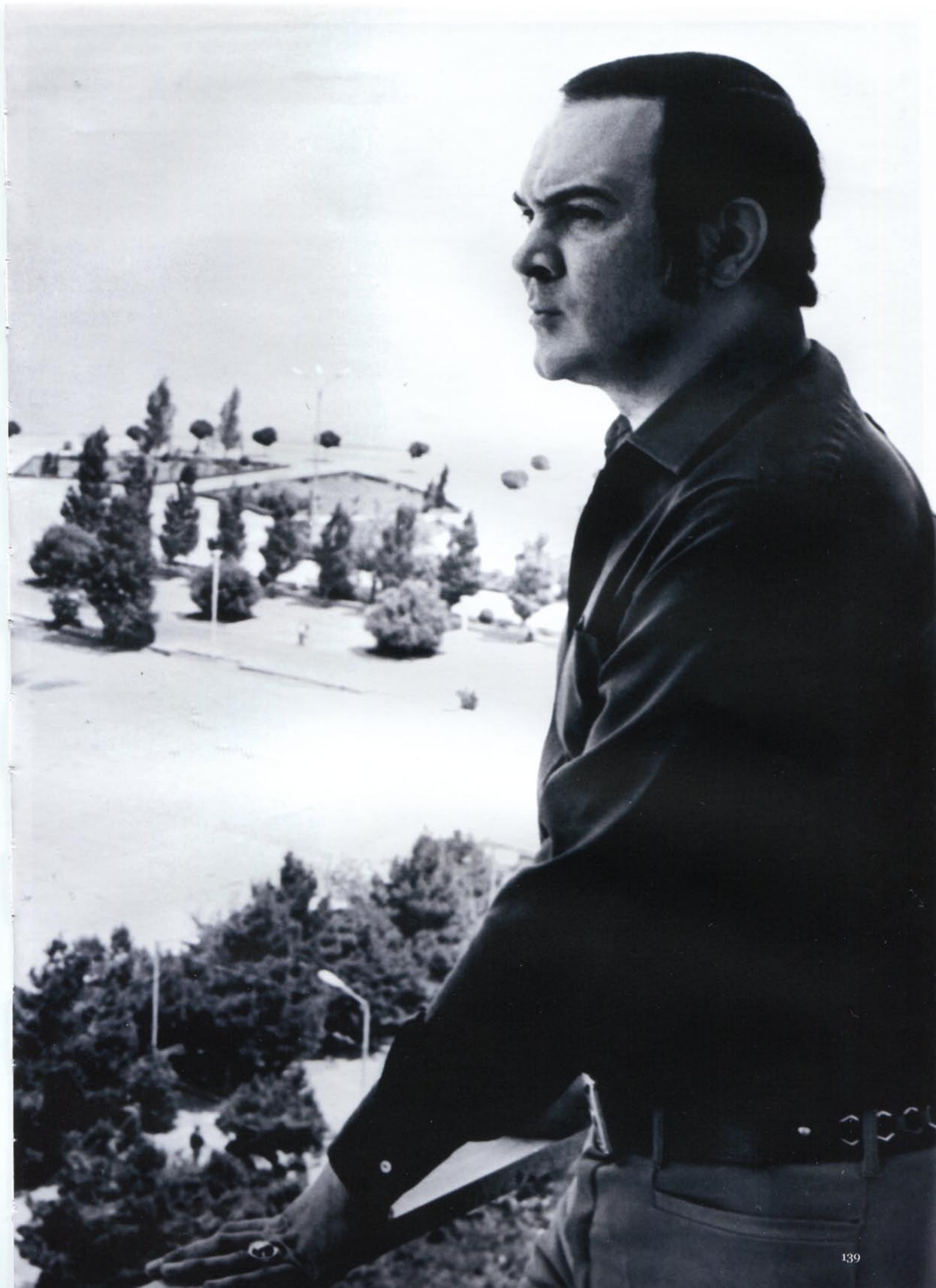
Песню «Синяя вечность» я написал в весьма интересной ситуации. Мелодия возникла у меня во время ужина с друзьями в ресторане. Я быстро стал записывать ноты на крахмальной белоснежной салфетке, которую потом взял себе, оплатив ее стоимость

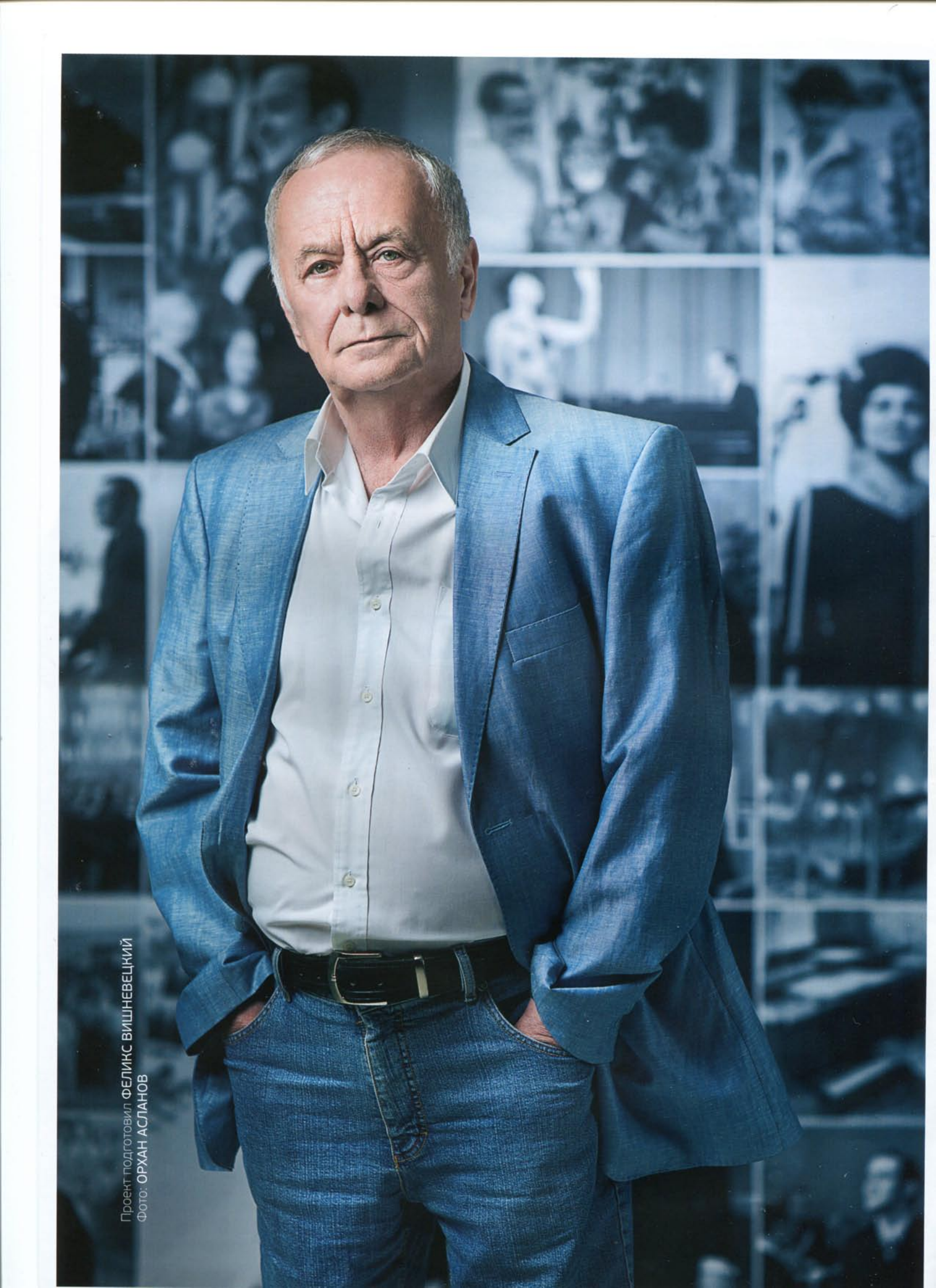
Недосягаемая вершина, к которой я стремился, осталась непокоренной: ...я понял, что никогда не буду петь, как Тито Гобби...

Был как-то летом в Баку ...и чего-то потянуло на маринистику. День за днем писал закаты на море. Приехал в Москву — и конец живописи.

В моем творчестве никогда не было державных примет. Все мои песни — это одна большая тема, тема Любви. Любви к людям.

A full-length portrait of an elderly man with short, graying hair, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a light blue blazer over a white button-down shirt, blue jeans, and a black belt. His hands are in his pockets. The background is a wall covered in a grid of black and white photographs, some of which are partially visible, showing various scenes and people. The lighting is soft, highlighting the texture of his clothing and the details of his face.

Проект подготовил ФЕЛИКС ВИШНЕВЕЦКИЙ
Фото: ОРХАН АСЛАНОВ

*Друзья
Муслима Магомаева*

ЭЛЬДАР КУЛИЕВ

режиссер, сценарист, народный артист Азербайджана

Для меня главным талантом Муслима Магомаева было его умение дружить, отдавать всего себя дружбе. Он был безгранично талантливым другом. Друг – слово из четырех букв, оно такое короткое, но в случае с Муслимом оно очень емкое и глубокое, и вмещает в себя многое, все то, что называется настоящей мужской дружбой.

Муслим Магомаев – человек слова, никогда не изменявший своим принципам и жизненным правилам. Он был постоянен в своей жизненной позиции, крепок и силен духом и сердцем. Муслим никогда и ни в чем не подводил людей. По своей человеческой сущности он был неспособен на это, также как и не мог сделать кому-либо неприятно. Это просто не соответствовало его характеру, его человеческому нутру. Он творил добро, делал это часто, но никогда не говорил о своих добрых делах и поступках и не выставлял их напоказ.

Муслим – вездливый в работе человек, относящийся к каждому своему творческому шагу серьезно. Есть певцы, которые, получив ноты и текст, сразу идут на запись. Магомаев был не таким. Он долго должен был работать над песней, прочувствовать ее, и только когда он понимал, что песня стала его частью, он приступал к записи.

Мне стоило огромных усилий получить согласие Муслима на участие в съемках фильма «Низами». Он говорил, что он не актер, а певец и музыкант, считая, что каждый должен заниматься своим делом. Старту съемок «Низами» предшествовали бесконечные обсуждения роли и репетиции. Муслим выходил на съемочную площадку только тогда, когда он чувствовал, что готов к роли на все сто процентов. Главным для него была его убедительность в своих словах, в тексте, который он произносит перед камерой. Он по жизни не мог врать, не мог этого делать и на съемочной площадке.

Спорных, конфликтных ситуаций на съемках не было, разве что за исключением озвучивания роли Низами на русском языке. Хотя и эту ситуацию я не могу назвать конфликтной. Муслим хотел, чтобы на русском языке его озвучивал Иннокентий Смоктуновский. Я же настаивал на том, чтобы озвучиванием занялся Вячеслав Тихонов, считая, что его голос лучше всех ляжет на внешность Низами. Мы оба были убедительны в своих мнениях и доводах в этом вопросе. Но в итоге Низами озвучил Тихонов, я настоял на своем, воспользовавшись правом режиссера фильма. Но, до последних дней Муслим не был согласен с моим решением, говоря, что голос Смоктуновского был бы в самую точку.

Мы часто отмечали вместе семейные праздники. Особенным днем для меня, как для друга Муслима, был его день рождения, который он всегда отмечал в родном Баку. Что бы ни было, как бы ни складывался его гастрольный и съемочный график, но 17-го августа он всегда был в столице Азербайджана. В последние годы дни его рождения в Баку проводил Гейдар Алиев. Порой, на них собиралось очень много народу, а иногда – только самые близкие и родные Муслиму люди. Светлых воспоминаний множество, но не люблю говорить о личном, поэтому множество воспоминаний, связанных с моим другом Муслимом, останутся со мной.

Мне трудно говорить о Муслиме Магомаеве в прошедшем времени. Для меня он жив в своей музыке и песнях, которые звучат, как будто сиюминутно рожденные. Он мне дорог не только как друг, но и как певец. Одно из любимых произведений в его исполнении – романс Тихона Хренникова «Что так сердце растревожено» из кинофильма «Верные друзья». Невозможно не любить его великолепный «Азербайджан» и романс Узеира Гаджибейли «Sənsiz», которая в исполнении Муслима Магомаева зазвучала по новому, приняв неподражаемый музыкальный и вокальный окрас.

Есть композитор, есть автор слов. А есть автор песни, именно автор, а не исполнитель. Это самое сложное для артиста. Но Муслиму Магомаеву это давалось с легкостью. Он – автор исполнения каждой композиции в своем репертуаре.

Практически не слушаю его последнюю песню «Прощай, Баку», от которой мне становится не только грустно, но и больно. Он вложил все свои чувства и безграничную любовь к Баку в каждое слово этой песни, в каждую ее ноту. Это очень личная песня... Я не могу слушать ее спокойно...

Таких сегодня нет и не будет никогда. Таких, как Муслим Магомаев.

*Друзья
Муслима Магомаева*

ТАИР САЛАХОВ

народный художник СССР, вице-президент Российской Академии художеств

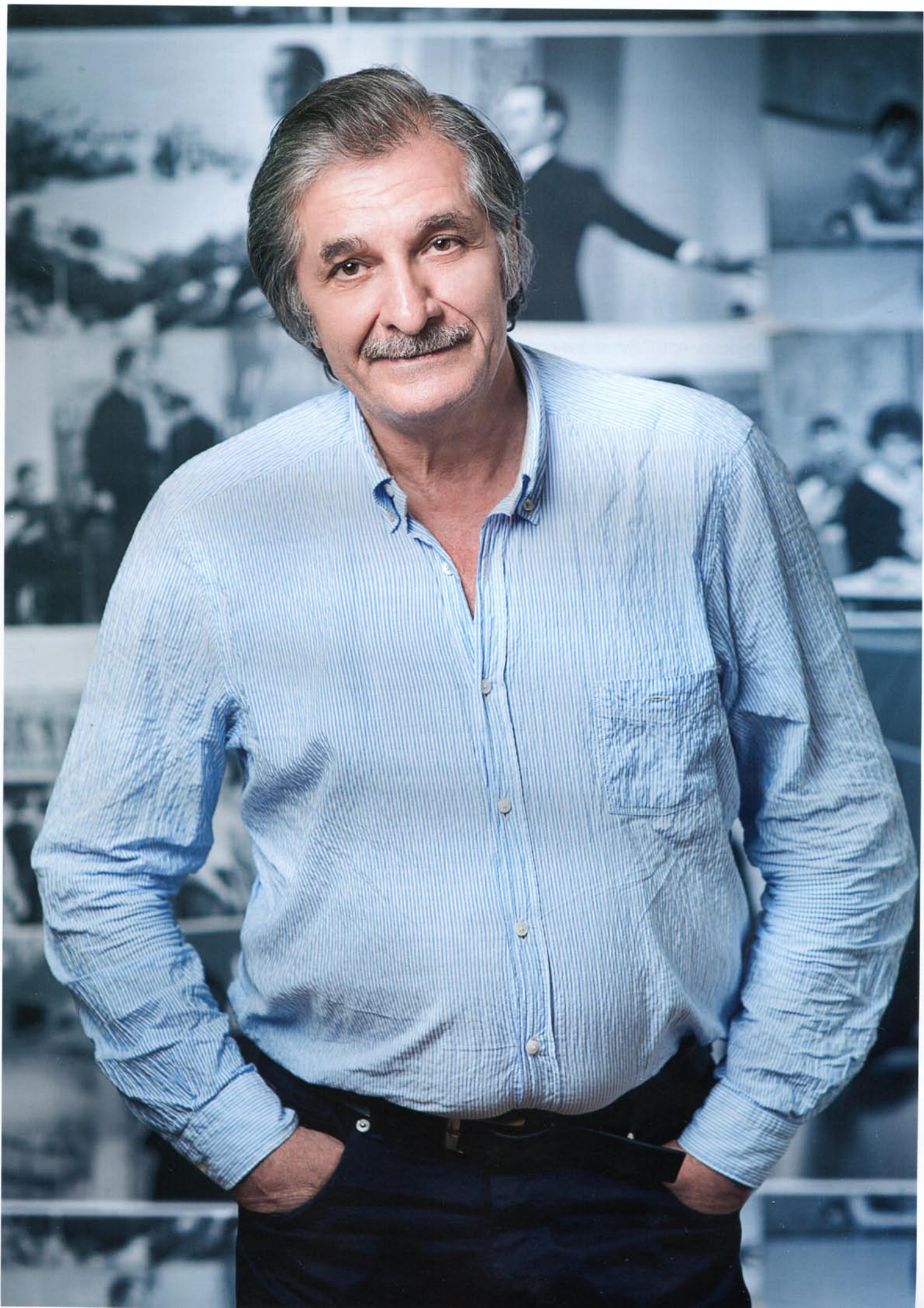
Я дружил с Муслимом Магомаевым, восхищаясь им, и он относился ко мне с большим уважением, ценил нашу дружбу. Он очень многое вкладывал в слово «дружба», был очень внимательным, чутким и настоящим другом. Особо мне хочется выделить две черты его характера, два его качества, без которых Муслима просто невозможно себе представить. Это чувство справедливости, которому он следовал всегда, везде, во всем. И вторая черта – его преданность. Причем, это касалось не только преданности к друзьям, близким и родным людям, но и преданности его к своей любимой профессии – пению и композиторской деятельности, вне которых и без которых Муслим Магомаев себя никогда не представлял.

Когда впервые молодой певец из Азербайджана Муслим Магомаев появился на экране советского телевидения, мы не были знакомы, но я испытал невероятную гордость за нашу страну и за него. Впервые услышав его с экрана телевидения, я осознал, какой величайший талант родила азербайджанская земля. Он и его творчество сразу же вызвали у меня чувство восхищения, которое не было потеряно с годами, а наоборот, становилось все больше и больше. Не переставал восхищаться Муслимом не только как певцом, но как личностью, как человеком с большим добрым сердцем и чистой душой.

Муслим Магомаев – артист легендарный. И если на Западе в то время гремели группа «Битлз» и Элвис Пресли и им не было альтернативы, то в Советском Союзе таким артистом был Муслим Магомаев, альтернативы которому не было и нет. Его уже нет с нами, а как его безумно любил народ, так и продолжает любить. Он рядом с нами в своих песнях, в своей музыке, фильмах. Муслим всегда будет жить в своем творчестве.

В последние годы своей жизни Муслим серьезно заболел и посетить его было нереально. Мы практически не виделись и, можно сказать, что не общались. И вдруг звонок – я был очень рад услышать его голос. Он позвонил, чтобы лично пригласить меня на свое 65-летие, организацией празднования которого занимался Араз Агаларов. Я с большим удовольствием и радостью принял участие в данном мероприятии, где среди гостей были представители интеллигенции, культуры и искусства, как из России, так и из Азербайджана. Муслим подошел ко мне, крепко, тепло, сердечно обнял и сказал следующие слова: «Я так счастлив, что ты сегодня рядом со мной. Мы так давно с тобой не виделись!». Он был таким радостным и счастливым в тот день, таким я его и запомню на всю жизнь. Тогда же он исполнил дуэтом песню с Эмином Агаларовым. Это был очень трогательный момент. Пели они потрясающе, очень эмоционально и искренне. Это исполнение стало символическим моментом в их жизни – великий мастер Муслим Магомаев передал творческую эстафету своему юному талантливому ученику Эмину Агаларову.

Муслим Магомаев мог бы еще жить и жить, и радовать нас своим присутствием и талантом. Мы потеряли великого человека и артиста, и до сих пор я не верю в то, что его нет с нами.

*Друзья
Муслима Магомаева*

ФАРХАД ХАЛИЛОВ

народный художник Азербайджана, председатель Союза художников Азербайджана

Несмотря на сложный характер, а по-настоящему у творческих людей он всегда непростой, Муслим Магомаев был искренним, преданным, верным, честным, самым настоящим другом. На него можно было положиться в любой, даже самой сложной ситуации. Помочь друзьям, выслушать их он готов был всегда, так как понятие дружба для него было не пустым звуком.

Муслим Магомаев – это эпохальная личность. Такой человек, как он, мог бы проявить себя в любое время, в любую историческую эпоху. Он всегда был бы актуальным, востребованным, интересным. Причем, это касалось как его творческих качеств, так и внутренних черт его характера. Он был человеком с большой буквы и настоящим мужчиной.

Истинное мужское начало – вот что было основой основ в характере и жизни Муслима Магомаева. Он был олицетворением настоящего мужчины как на советской эстраде, так и в жизни.

Несмотря на свою творческую загруженность и гастролы, он выкраивал время для того, чтобы посещать мои художественные выставки, которые проходили как в Баку, так и в Москве. Всегда с интересом рассматривал работы, расспрашивал о них. Был он и в моей художественной мастерской. Муслима все это привлекало, потому что он сам рисовал, и ему был интересен красочный художественный мир.

Я был у него в Москве незадолго до того, как Муслим покинул нас, а покинул он нас очень рано. К сожалению, его уход не зависел ни от меня, ни от кого-либо из его друзей, иначе он жил бы по сей день, радуя нас своим присутствием. Мы долго говорили, беседовали обо всем. Он мог говорить на любую тему и развивать ее, его было приятно слушать. Ни слова им не было сказано о болезни, но по нему было видно, что он не сдастся. Он никогда не сдавался, покорял любые цели и был лидером по натуре. Будучи настоящим мужчиной, он даже не хотел продлевать себе жизнь и не особо лечился. Его жизненные принципы и позиция были непоколебимы. В свое время он ушел со сцены на пике славы, а нас покинул в расцвете сил, и это тоже был его выбор, его поступок настоящего мужчины.

*Друзья
Мухомаева*

АРАЗ АГАЛАРОВ

предприниматель, президент и владелец группы компаний Crocus Group

Я познакомился с Муслимом Магомаевым в Москве, в доме у моего тестя, Иосифа Евгеньевича Гриля, в 1978 году. А заочно, еще работая на телефонной станции в Баку: Муслима Магомаева часто соединяли по междугороднему телефону с его супругой Тамарой Синявской, а мне приходилось контролировать конфиденциальность разговоров.

Мы с Муслимом Магомаевым были просто лучшими друзьями. Все воспоминания о нем всегда светлые.

Особая статья, достоинство, благородство, простота, в хорошем смысле этого слова, невероятной силы внутренний стержень, нестигаемая воля – вот какими были основные черты его характера. Если Муслим сказал нет – это нет.

Муслим всегда был безукоризненно стильным, подтянутым, даже дома. Вы не могли, придя к нему, домой, застать его в неподобающем виде. Идеально сидящий домашний костюм, шейный шелковый платок, туфли – никаких халатов или спортивных костюмов. И всегда с сигаретой в руках ...

Для нас все мероприятия, посвященные ему или его близким друзьям, на которые он приходил, всегда были праздником. Особенно в последние годы, когда он редко выходил из дома.

Муслим Магомаев ничем не болел – во всяком случае, так ему казалось. И до последних дней никому из своих друзей никогда не жаловался на свое здоровье. Но я, как человек, который был рядом, понимал, что выкуренные 3 пачки сигарет в день, не могут не отразиться на здоровье. Никакой борьбы за жизнь с его стороны не было. «Я живу, как хочется, я живу, как дышится», – как пел сам Магомаев

*Друзья
Муслима Магомаева*

ТАМАРА ГВЕРДЦИТЕЛИ

народная артистка Грузии, народная артистка России

Я счастлива, что жизнь дала мне хоть и мало, но общение с таким великим артистом и человеком. Его песни были наслаждением для слушателей, и через них он дарил людям счастье, так как в каждой композиции поклонники его творчества находили что-то свое, а он проживал в песнях свою жизнь.

Видя Муслима Магомаева, я терялась и смущалась, не знала, что сказать.

Застенчивость умножалась втрое, если он начинал разговор. Мои слова исчезали, я немела и просто внимательно, с большим интересом слушала этого прекрасного человека, талантливого певца и композитора. Слушая его, я брала для себя немало нужного и важного, не только связанного с творчеством, но и с жизнью.

Я всегда буду вспоминать эту яркую картину его эффектного появления в белом костюме за кулисами и на сцене. После его выступления выходить на сцену было просто нельзя, так как там уже было нечего делать. Это был эффект выжженной земли, так как то, что он творил на сцене, та энергетика которую он дарил зрителям и эмоциональность, с которой выступал, были только и только у него, и ни у кого больше.

Слушая его песни, люди впадали в транс. И это были не только поклонники его творчества, сидящие в зале, но и коллеги за кулисами. Вот это чувство культурного трансa было выше всех других чувств, которые могли испытывать коллеги к нему, его творчеству, исполнению. К Муслиму Магомаеву у творческих людей было особое отношение из-за силы его таланта. Это был тот момент, когда люди просто перестают завидовать, так как к такой силе таланта ничего, кроме восторга испытывать невозможно.

Как и миллионы людей по всему миру, я отчаянный фанат творчества Муслима Магомаева. Я влюблена в его музыку и пение, но как композитора Муслима Магомаева я ценю и восторгаюсь им еще больше. Когда Первый канал предложил мне принять участие в проекте «Достояние республики» и исполнить виртуальный дуэт с Муслимом Магомаевым «Синяя вечность», я очень серьезно подошла к этому вопросу. Это большая честь и, в то же время, опасность сосуществовать на одной сцене и в песне с таким артистом, как он... Пусть даже виртуально... Песня «Синяя вечность» – одна из моих любимых. Было очень сложно исполнять эту песню, у меня был комок в горле, и я была готова расплакаться навзрыд, но я взяла себя в руки и следовала мелодии, ведь рядом был он – всенародно любимый, безмерно талантливый и великий Муслим Магомаев.

*Друзья
Муслима Магомаева*

ФАРХАД БАДАЛЬБЕЙЛИ

народный артист СССР, ректор Бакинской музыкальной академии им. Узеира Гаджибейли

Мы очень часто путешествовали по миру, гастролируя, вместе с Муслимом Магомаевым. Эти поездки навсегда останутся в моей памяти, это была наша молодость, можно сказать, лучшие наши годы, полные музыки и творчества, радости и веселья. Правильно говорят, что человек познается в дороге. Множество километров мы проехали с Муслимом, и с каждой поездкой наша дружба крепла.

Самое главное человеческое качество, которое я ценил в Муслиме Магомаеве – его мужество. Оно проявлялось во всех его действиях и решениях, как связанных с творчеством, так и вне него. Его мужество, как и талант, было безгранично, так же как и его воля. Он был человеком с большой силой воли, нестигаемым, с таким внутренним стержнем, что казалось, что он создан из стали и никто, ничто, никогда, ни при каких обстоятельствах не могло его сломать.

Его любили, восхищались, боготворили, обожали, носили на руках, он был кумиром миллионов, но при всем этом Муслим Магомаев был очень скромным человеком, никогда не позволявшим себе ничего лишнего. Тактичный во всем и со всеми, он был общительным человеком и интересным собеседником, однако, не любил, не терпел и не признавал фамильярности и развязности в общении с людьми. Эти два качества и Муслим Магомаев были антонимами. Он не мог терпеть ничего, что находится за рамками приличия и всегда выражал свое мнение в культурной форме, если ему что-то не нравилось.

Муслим великий певец и его вокал великолепен и неподражаем. Как он исполнял арию Фигаро, такого исполнения я не слышал больше никогда и нигде. Муслим Магомаев мог бы еще не один год радовать нас своим голосом, но он, как великий человек, совершил великий шаг – ушел со сцены. Сделал он это в связи с тем, что не хотел, чтобы поклонники его творчества могли бы услышать плохие ноты в его пении. Этого ни себе, ни им, Муслим Магомаев позволить не мог. В памяти всех он останется великолепным исполнителем.

Его талант разнообразен – пение, композиторская деятельность, он написал одну из визитных карточек нашей родины – песню «Азербайджан», которая будет жить всегда.

Муслим вел свою жизнь красиво, жил красиво, окружал себя красотой. Все самые красивые женщины Советского Союза были влюблены в Муслима Магомаева и готовы были отдать все за его внимание. Но он полюбил одну, раз и навсегда – Тамару Ильиничну Синявскую, с которой прожил в любви и согласии долгие светлые годы, полные радости и счастья. А это большая редкость для творческих союзов, в которых и муж, и жена являются масштабными творческими величинами. Союз Муслима Магомаева и Тамары Синявской был благословлен Богом, который их оберегал долгие счастливые годы. Муслим Магомаев был настоящим мужчиной, жил и любил как настоящий мужчина и ушел из жизни как настоящий мужчина.

*Друзья
Муслима Магомаева*

СВЯТОСЛАВ БЭЛЗА

музыковед, телеведущий, музыкальный обозреватель телеканала «Культура»

Дружбе с Муслимом Магомаевым я обязан телевидению. Муслим Магомаев и Тамара Синявская были частыми гостями моей программы «Музыка в эфире», а потом на Первом канале стала выходить наша совместная телевизионная передача «В гостях у Муслима Магомаева». У него была лучшая в то время музыкальная видеотека. Он интересовался многим и многое знал. С Муслимом мы сделали целый цикл передач, первая из которых была посвящена Марио Ланца. Именно этого исполнителя Муслим обожал и посвятил ему свою книгу. «В гостях у Муслима Магомаева» была одной из тех передач, которую не ты ведешь, а которая ведет тебя.

Мы ровесники с Муслимом Магомаевым. Я на полгода старше и он, шутя, подчеркивал это всегда с большим удовольствием. Всегда смотрел на него с большим обожанием и глубоким почтением. Помню, как его слава начиналась, как успех Муслима разрастался. Но сблизилась и подружилась мы в последние 20 лет его жизни.

Он был щедр не только душевно. И многие за счет его гостеприимства и широкой души не то что кормились, а просто злоупотребляли этим качествами. Поэтому круг общения и сужался. Я рад, что мне выпала честь быть именно в этом не столь широком кругу близких Муслиму Магомаеву людей.

Говорят, не стоит к кумирам прикасаться руками, на пальцах останется позолота. От общения с Муслимом Магомаевым позолоты на руках не было, так как он был человек золотого чекана.

Всегда поражала его требовательность к себе. Именно из-за этого своего качества он отказался от ролей Вронского и Бендера. И таких случаев, подчеркивающих требовательность мастера к себе, в его творческой биографии было немало. И тот факт, что он рано ушел со сцены, объясняется именно требовательностью к себе.

Людям предстоит еще долгое время открывать его творчество: это и пение, и музыка для кино, рисование, лепка, а также книги. Свои мемуары и книгу о Марио Ланца он писал сам, в то время как многие поручают это профессиональным журналистам и лишь наговаривают свою историю на диктофон. У Муслима Магомаева был великолепный литературный русский язык и слог, он был очень образованным человеком, и он боролся с редакторами за каждую их правку в своих книгах, настаивая на своем как автор.

Нашу дружбу сплотила еще и увлеченность книгой Александра Дюма «Три мушкетера», фанатами которой мы оба были с детства. В детстве, будучи под впечатлением от книги, Муслим сломал смычок от дедушкиной скрипки, сделав из него шпагу. Я же со второго класса до окончания университета занимался фехтованием, а также написал предисловие к «Трем мушкетерам», которое включено в издание «Книга разных лет». Книгу с моим предисловием я подарил и Муслиму, после чего еще больше вырос в его глазах.

Сейчас эти слова можно употребить, но в советское время они были неуместны – Муслим обладал духовным аристократизмом. И именно этот врожденный аристократизм позволял ему делать все, что хочет его душа и сердце. Все его решения и шаги принимали и поддерживали чиновники и власть. Ему позволялось то, чего не позволяли никому. Он сам определял свой репертуар, а не ответственный за это человек, как это ранее бывало. Да, и ему приходилось петь патриотические песни, но это были композиции высшего качества, в которые он вкладывал всего себя.

Муслим был королем, и трон его до сих пор никем не занят. Пусть на эти мои слова никто не обижается, но я констатирую факт.

*Друзья
Муслима Магомаева*

ИОСИФ КОБЗОН

народный артист СССР

Муслим Магомаев часто говорил мне : «Мне бы твою работоспособность!». Я бы тоже, в свою очередь, не отказался бы от кое-каких его особенностей и способностей.

Он никогда не кичился тем, что очень быстро стал известным и любимым народом. Появление Муслима Магомаева в обществе всегда сопровождалось невероятным ажиотажем, но слава и головокружительный успех не мешали ему дружить с коллегами. Но почему-то общественное мнение было иным. Говорили, что мы завидуем, мешаем друг другу, радуемся неудачам. Все это не более, чем ерунда и пустые слова.

Все хотели, чтобы их песню исполнял именно Магомаев, так как любая песня в его исполнении вмиг становилась популярной. Такой популярности, как у Муслима Магомаева, я за свои полвека на сцене не встречал и не встречу, так как таких артистов у нас не было, нет, и, наверное, не будет.

Я исполнял его «Синюю вечность», которую Муслим сочинил сам. А также еще ряд композиций из его репертуара. Так получилось, что в основном артисты пели ту или иную песню вслед за Муслимом, после того, как он исполнял ее, становясь первым исполнителем. Лишь однажды получилось наоборот, это произошло с песней, «Ноктюрн», которую Муслим Магомаев исполнил после меня. Я, шутя, всегда говорил ему: «Мусик, моя мечта сбылась, не я пою после тебя, а ты после меня».

У Муслима никогда не было врагов и недоброжелателей, но всегда были завистники. Завидовать было чему! Причем, завидовали не белой завистью, но он не обращал на это никакого внимания.

Леонид Рошаль как-то сказал, что если бы Муслим Магомаев не курил, он прожил бы намного больше, но что поделать, жизнь есть жизнь ...

Я благодарен его супруге Тамаре Синявской за то, что она свято чтит память Муслима Магомаева. Аразу Агаларову спасибо за то, что концертный зал Crocus City Hall назван именем Муслима Магомаева, там стоит его бюст, открыта звезда Муслима на аллее звезд, а около посольства Азербайджана в Москве возведен памятник этому талантливому артисту.

Приятно и одновременно грустно вспоминать и говорить о Муслиме Магомаеве. Радостно, что он был в моей жизни, и в жизни каждого из нас, а печально, что его уже нет с нами...

Друзья
Мугомаева

ГАМИДА ОМАРОВА

народная артистка Азербайджана

Мое знакомство с Муслимом Магомаевым произошло в гостинице в Гяндже, где велись съемки. Это было ранним утром, в тот момент, когда я и актриса Гюльнара Саялиева перед походом к гримеру искали буфетчицу. Я стремительно направлялась в сторону буфета, не замечая перед собой никого. «Где буфетчица?», – восклицала я, не замечая перед собой двух красивых высоких людей. «Это Муслим Магомаев и Тамара Синявская», – прошептала мне на ухо Гюльнара Саялиева. Я остановилась и не знала как себя вести. Я стою, маленькая, с растрепанными волосами, растерянная, а он смотрит на меня с улыбкой. И тут я заявляю: «Я Ваша партнерша по фильму, буду играть Афэг». Его улыбка сменилась удивлением. «Это она будет играть Афэг?», – произнес он вслух. Никогда не забуду его выражение лица... Также, как и не забуду, когда он увидел меня в костюме, загримированную. Он был удивлен еще больше. На этот раз был приятно удивлен, и уже с восхищением говорил: «Это она моя партнерша?».

Помню, когда первый раз услышала романс «Sənsiz» в интерпретации Магомаева: я сразу же влюбилась в эту красивую композицию, невероятно трогательно исполненную Муслимом Магомаевым. Это произошло во время одного из перерывов съемок «Низами». Команда фильма была очень уставшей. Уставшим был и Муслим Магомедович, но он сел за рояль, начал играть и петь, чтобы зарядить нас. Все как замороженные слушали его. Это было потрясающе. И с того момента он садился за рояль всегда, когда мы уставали. Его пение было своеобразным допингом для всей съемочной группы, и этих моментов мы все ждали с нетерпением, особенно исполнения им «Sənsiz». Вряд ли кто-то сегодня сможет исполнить этот романс также как Муслим Магомаев...

Снималась я в другом фильме, когда меня забрали со съемочной площадки, загримировали, одели под Афэг, сделали несколько снимков, после чего позвонили и сказали, что я утверждена на роль в фильме «Низами» и моим партнером будет Муслим Магомаев. Как мне потом рассказали, в съемочный процесс фильма вмешался главный секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев, сказав, что в фильме о великом азербайджанском поэте Низами должна обязательно сниматься азербайджанская актриса. Из предложенных ему фотографий он выбрал именно меня.

Первая сцена, где я сыграла с Муслимом Магомаевым, была та, где Афэг, плача, рассказывает о своем детстве, о том, как у нее умерла мать. По завершении той съемки Муслим Магомедович подошел ко мне и сказал: «Спасибо. Только с Вами я почувствовал, что являюсь Низами». Эти слова стоят многого, и их я буду помнить всегда.

Ни от одного своего партнера по сцене я не видела такого тонкого, чуткого отношения к женщине, как к леди... Во время съемок устанавливали свет на крупный план. Стою на стульчике, необутая, уже пару часов. Световик был таким дотошным, что мне казалось, что сойду с ума. В это время в павильоне появился Муслим. Ассистенты сразу бросились к нему с кофе и сладостями, на что он завил: «Сначала даме», – указав на меня. Вот таким он был...

Во время съемок фильма «Низами» был отмечен 40-летний юбилей Муслима Магомаева. Это было незабываемое празднество. На его день рождения состоялся салют из сорока бутылок шампанского. Как сейчас помню этот день и радостные эмоции всех собравшихся на праздновании. В тот же вечер в Гяндже состоялось совместное выступление Муслима Магомаева и Тамары Синявской. Я много раз наблюдала за Муслимом Магомаевым на телеэкране, а тут увидела его живое выступление с супругой. Это было великолепно и навсегда осталось в памяти...

Помню дорогу в аэропорт, когда мы ехали встречать из Москвы самолет с гробом великого певца... Помню лица известных людей азербайджанского искусства, встречавших его в аэропорту... Все были потеряны... В тот момент я поняла, какого масштаба человека мы потеряли... Его очень не хватает... Он так много сделал для нас, для Родины, для так любимого им Азербайджана.

*Друзья
Муслима Магомаева*

ЭМИН АГАЛАРОВ

певец, музыкант, вице-президент группы компаний Crocus Group

Для меня большая привилегия называть себя другом Муслима Магометовича. Я бы сказал, что я его младший друг. Разница в возрасте у нас большая и по настоящему друзьями мы стали ближе к моим 30 годам. Муслим Магомаев – уникальный человек, умеющий дружить и ценящий дружбу, человек, который всегда дорожил друзьями и оберегал их. Он был близким другом моего отца и деда. Он всегда переставал звонить мне, если я не отвечал на звонок после второго гудка. Перезванивая к нему и извиняясь, что не смог сразу ответить, я слышал в ответ: «Я думал, что ты занят и не хотел тебя отвлекать».

Самым опасным для него было показаться кому-то навязчивым, хотя навязчивым он не был никогда и ни с кем, и никогда никого не беспокоил ни по каким вопросам.

Стремление к перфекционизму во всем было одним из главных качеств Муслима Магомаева. И чем больше я занимаюсь музыкой, тем яснее для меня становится недостижимость его таланта и масштаб личности. Когда ты в музыке поверхностно, может показаться, что ты невероятно крут. А если погружаешься в музыку и творчество основательно, то понимаешь, насколько далеко впереди находится Муслим Магомаев от всей музыкальной индустрии.

Часто появляются вопросы, которые мне очень хочется задать Муслиму Магомаеву, поделиться с ним чем-то личным, показать ему свои музыкальные наработки, услышать его мнение о них. Обидно, что я не был достаточно зрелым музыкантом, когда мы общались. Возможно, та музыка, которую я показывал Муслиму Магомаеву ранее, была ему и неинтересна, но я творчески вырос. Сейчас все было бы иначе, по-другому. Очень не хватает его...

Никому не удастся стать таким как Муслим Магомаев. Это невозможно, такого артиста просто не будет больше никогда. Нет и у меня стремления и амбиций быть похожим на него. Но его образ является для меня примером во всем.

Из ощущений общения с ним я могу сказать, что он человек-мечта.

Олицетворение того, о чем мечтают и к чему стремятся многие. Он мне незримо во многом помогает, я ощущаю его присутствие и поддержку в своих делах и начинаниях, проектах и концертах. И всегда с большим желанием, любовью и радостью принимаю участие во всех проектах, связанных с именем Муслима Магомаева, будь то концерт его памяти или фотовыставка. Для меня это не работа и мне это совсем не тяжело – мне радостно и гордо быть частью всего, что связано с его именем.

Его критика могла бы быть для меня фатальной. Будучи тонким по натуре человеком, он понимал это и хвалил меня, хотя особо хвалить меня было не за что. И эта его похвала давала мне надежду, желание и возможность улучшить и усовершенствовать то, что я делал тогда и делаю сегодня.

Через несколько лет после ухода из жизни Муслима Магомаева я стал петь на своих концертах песню «My way». Когда-то мне посчастливилось исполнить ее с великим певцом на его юбилее. Я всегда посвящаю эту композицию его светлой памяти. Мне приятно вспоминать Муслима Магомаева его же песнями. Через них сохраняется моя невидимая связь с ним. «Я прошел все в жизни и поступал всегда так, как считал нужным...», – говорится в ней так, как будто она написана именно о нем, его жизни и творчестве.